
Юрий Коренев.doc

Юрий Коренев

Предчувствие

Сборник лучших рассказов

УДК 821.161.1

ББК 84(2=Рус)7

К 66

Коренев Ю.Д.

Предчувствие – Иркутск: ООО «Форвард», 2012 336 с.: ил.

Герои книг финалиста международных конкурсов ЮРИЯ КОРЕНЕВА – наши современники, смелые люди и мечтатели, которые сохраняют лицо, несмотря на сложности жизни. Рассказы читаются на одном дыхании, оставляя приятное послевкусие и жажду встречи с новыми произведениями автора.

В книге «Предчувствие» собраны лучшие рассказы

Юрия Коренева, основательно переработанные и дополненные новыми произведениями.

УДК 821.161.1

ББК 84(2=Рус)7

К 66

Коренев Ю.Д., 2012

ООО «Форвард», 2012

ISBN 978-5-4273-0015-5

РЫЧАНИЕ ЗВЕРЯ

Мотор зашумел сильнее, и в его работе начались перебои. Самолет резко накренился вперед. Прогремел раскатистый гром, и в салон ворвался свист. Погас свет. Шум не прекращался. Он витиевато начинался с едва различимого звука, переходя в морской прибой, и перерастал в грозное рычание зверя, заполняющего все пространство. Шум иногда стихал и вновь возвращался без всякого ритма, меняя свои очертания и тембры. Картина была жуткая. Стало душно, одежда повлажнела от пота, сердце выскакивало из груди. Но постепенно жар сменился на холод. Сознание таяло...

Когда я открыл глаза, ничего не было видно. На ощупь я определил, что не сижу, а лежу на предмете, напоминающем по форме кровать. Я был накрыт легким одеялом, голова

лежала на влажной подушке. Я никак не мог понять, летим мы еще или уже приземлились. Но я точно выжил, ведь если я мыслю, значит, живу.

Вдруг слева послышался нарастающий шум. Ему ответили стуки справа. Это несколько раз повторилось. Глаза стали привыкать к темноте. Проявились контуры окна, задернутого плотной шторой. Напротив себя я увидел очертания комода с зеркалом. Слева от меня стояла кровать, на которой лежал громко дышащий крупный человек. Справа находилась дверь, через которую периодически были слышны стуки. Где я? Что со мной?

И вдруг я все понял. Я находился на отдыхе в Таиланде со своим другом. Мы прилетели накануне вечером, с усталости немного выпили виски и быстро уснули. Я проснулся от громкого храпа. Отсюда и страшный сон с падением самолета. Я встал и, включив свет в туалете, посмотрел на наручные часы. Было два часа ночи. Приятель лежал на спине и крепко спал. Я окликнул его. Он что-то пробурчал и повернулся набок. Храп прекратился. «Ну вот, — обрадовался я, — теперь можно ложиться!» Когда я стал засыпать, послышался звук пролетевшей мухи и вдогонку за ней рычание зверя. Монстр вернулся.

Я вновь окликнул приятеля. Безрезультатно. Пришлось встать и немного толкнуть его в плечо. Он удивленно спросил:

— Что, пора вставать?

— Нет, — ответил я. — Ты громко храпишь.

— Странно, — сказал он и, повернувшись на другой бок, захрапел вновь. Удивительно было то, что он мог разговаривать, почти не просыпаясь, и вновь храпеть. Ваты не было. Я вставил наушники от телефона и включил музыку, но это не помогло. Шумы постоянно видоизменялись. Привыкнуть к храпу было невозможно. Через некоторое время опять раздался стук в дверь. Я встал, чтобы открыть ее, но понял, что это была дверь, разделяющая две смежные комнаты универсального номера, в который нас поселили. За двойной деревянной дверью находились соседи. Я догадался, что и они не спят из-за нестандартного все подавляющего храпа. Он проникал через щели, двери и стены, проходя все преграды на своем пути.

Я разбудил приятеля:

— Слушай, у тебя такой громкий храп, что ты не только мне не даешь уснуть, но и туристам из соседнего номера.

— Ты шутишь? — удивился он.

— Нет. Они периодически стучат в дверь. Ведь там могут находиться иностранцы. Ты не только им спать не даешь. Ты позоришь Россию!

— А что я могу сделать? Я ведь не специально.

— Ты сможешь не спать до утра? После завтрака отоспишься. Я уйду загорать и не буду тебе мешать. Будем отдыхать и спать в две смены.

— Ну, не знаю, — не уверенно произнес он. — Может, начнем завтра? Я спать хочу.

— А сидя спать сможешь?

— Зачем?

— Может, храпеть меньше станешь.

— Не, я сидя не умею. Только, когда сильно выпью. Но тогда все говорят, что я храплю. Давай до утра подождем, а там подумаем.

Он удивительно быстро уснул и опять захрапел. Поворочавшись еще несколько минут, я не выдержал, взял подушку и вышел на балкон. Мимо балкона носились какие-то крупные насекомые, то ли бабочки, то ли жуки. А может маленькие летучие мыши. Было шумно от проезжавших по дороге машин и разговоров уличных уборщиков. Набережная была освещена, по берегу гуляли отдыхающие.

— Не спится людям. Им бы на мое место, а мне бы в их кровать, — проворчал я вслух.

Я устроился на пластиковом кресле, откинув голову на его невысокую спинку, затем кресло пододвинул ближе к стене здания, положив ноги на журнальный столик. Ничего не помогало. Конечности быстро уставали от неестественного положения. В сторону моря дул бриз, и я почувствовал прохладу. Я сходил в номер и взял одеяло, но под ним быстро жарко, пришлось периодически его скидывать и снова закутываться. Намаявшись так пару часов, я не выдержал и вернулся на свою кровать. Но уснуть не удавалось. Даже намеки на храп меня выводили из состояния равновесия. Во мне закипала злость из-за безвыходности положения, но отсутствие сознательной вины моего приятеля сдерживали меня от насильственных действий. На завтрак я стал собираться к открытию ресторана. В надежде, что мой сосед выспался, я предложил ему разделить трапезу вместе со мной. Он согласился, и мы первыми зашли в ресторан.

— Я думаю, ты поддержишь мое предложение, — уверенно начал я разговор, обращаясь к нему за чашкой крепкого кофе. — Из-за твоего храпа я не спал всю ночь. Даже соседи стучали в дверь, чтобы ты не мешал им спать. Я не мог уснуть не только из-за шума, но и из-за стыда перед ними. Я теперь боюсь попасться им на глаза.

— Неужели я так громко храплю? — удивился приятель.

— Не то слово. Как раскаты грома и рычание зверя. Но самое ужасное, у твоего храпа нет ритма, он постоянно меняет тембр, производя шумовую разнокалиберную какофонию. Никакая звуковая защита не срабатывает. Я пробовал свою голову прикрывать подушкой, затыкать пальцами уши, вставлял наушники, включал музыку.

— Но как тогда спит моя жена? — продолжал удивляться приятель. — Мы - то с ней спим в одной постели.

— Для меня это полная загадка. Или она глухая, или очень крепко спит. Я этого не понимаю. Я бы точно не смог. Но дело не в этом. Учитывая, что ты выспался, я предлагаю тебе пойти позагорать на море или возле бассейна, а я в это время немного посплю. Затем мы продолжим отдых вместе, иначе я буду весь день сонным.

— Не, я не согласен, — возразил приятель. — Я не люблю и не могу загорать долго. Это вредно.

— Так ты под навесом полежи, возьми зонтик. Там их много на берегу.

— Нет, давай после обеда попробуем так сделать. А пока я пойду в номер и посплю. Я не выспался. Ты же меня все время будил. Ты сам походи и позагорай. Ты там сразу уснешь.

Деваться было некуда. Я взял полотенце и пошел к бассейну. Почти все места уже были заняты. Я прилег на свободный лежак возле душа, закрыв глаза. Но как бы ни пытался заснуть, не удавалось. Меня все раздражало: надоедливые мухи, разговоры отдыхающих, которые периодически шумно ныряли или принимали душ. Через час я пошел на море. Небольшой прибой настроил на успокоение и сон. Но отдохнуть не получилось. Многочисленные приставалы с местным товаром и услугами не давали расслабиться. Я взял пиво и стал ждать обеда.

Мой приятель сладко спал. После обеда он опять развалился на своей кровати.

— Ты совесть имеешь? Я не спал всю ночь, утром не беспокоил тебя. Теперь твоя очередь идти на море. Я должен хоть немного поспать.

— Но я тебе уже говорил, что не люблю загорать и купаться тоже.

— Тогда зачем ты вообще поехал в Таиланд? Сюда именно за этим все едут.

— Я сюда приехал отдыхать. Поспать.

— А дома ты не мог этого сделать? Зачем было такие деньги платить?

— Но я хотел отдохнуть с тобой. Дома жена с какими-нибудь делами ко мне бы приставала. Здесь я смогу наконец-то выспаться. Да и тебе сейчас лучше спать не ложиться. Сам посуди. Уже вечер. Ты поспишь, а ночью опять будешь маяться от храпа. Лучше ты сейчас еще немного потерпи, зато потом сразу уснешь и забудешь про меня.

Подумав, я признал логичными доводы приятеля. Я собрался и пошел погулять по улицам Паттайи. Повсюду стояли приветливые торговцы местных недорогих блюд, которые тут же готовили. Многочисленные работники оздоровительных салонов предлагали тайский массаж. Цветные светящиеся вывески магазинов и ресторанов приветливо зывали довольных загорелых туристов, вышедших на улицы насладиться свежестью начавшегося бриза. Нескончаемым потоком двигались тук-туки — местные такси. Я сел в один из них и прокатился вкруговую.

Перед сном я попросил приятеля лечь спать на полчаса позже чем я, чтобы успеть уснуть. Он согласился, взял свои сигареты и вышел на балкон. Я видел, как он закурил, устроившись в кресле, как постоянно поглядывал на часы. Время летело быстро. Я стал внушать себе формулы расслабления: «Я спокоен. Дыхание мое ровное, спокойное. Мышцы моего тела расслабляются. Я чувствую, как веки мои тяжелеют...». Но сердце мне не подчинялось. Оно не хотело замедлять свой ритм, сбивая мое дыхание. Виски пульсировали, отбивая секунды. Из подсознания вылетали мысли: «Не успеешь, торопись! Скоро он вернется». Сознание боролось с этими мыслями, но они постоянно возвращались, подбираясь с разных сторон. За десять минут до окончания условленного времени я не выдержал и вышел на балкон.

— Тебе что не спится? — удивился приятель.

— Слушай, — взмолился я, — потерпи еще полчаса, я видимо перенервничал и не могу уснуть. Я глаза закрываю в страхе, что ты скоро вернешься, а я не успею глубоко уснуть.

— Ну ладно, — великодушно согласился он, — только это последние полчаса. Больше тебе на уступки не пойду, так что постарайся. — Он взял газету и закурил. «Надо уснуть! — говорил я себе. — Всего полчаса, только полчаса». Я видел, как приятель вставал несколько раз, но в комнату не заходил. Я слышал каждое его движение, хотя дверь была плотно закрыта. Нет, все же там была небольшая щель, пропускающая звуки города. Я встал и шумно закрыл ее, дополнительно задернув плотной шторой, чтобы не видеть, что приятель делает. В комнате стало темно. Только индикатор телевизора напоминал, что я нахожусь не в подземелье. Но именно он меня и стал раздражать. Я едва нашел розетку, чтобы выдернуть из нее вилку телевизора. Тогда меня стал добивать шум в висках. Я вспотел. Я откинул одеяло, но холодный воздух от кондиционера заставил вновь укрыться. «Я все понял! Всему виной был кондиционер. Он не давал мне покоя». Я встал и выключил его. Вытащив одну ногу из-под одеяла, наконец-то почувствовал комфортное состояние. Появилась дрема, я стал засыпать. «Нет, — пронеслась мысль, — надо встать и сходить в туалет, иначе придется вставать ночью, а тогда я уже больше не усну». Когда я выходил из него, открылась балконная дверь, и вошел приятель.

— Ты что, уже выспался? — удивился он. — Я специально посидел на балконе подольше.

От него сильно пахло табаком.

— Какие сигареты ты куришь? — спросил я

— «Winston», а что?

— Тебе надо их срочно заменить. Они гадкие и вонючие. И очень вредят здоровью.

— Да я и сам думал об этом. Завтра куплю местные, попробую.

Ночь была бессонной. Я больше заботился об отдыхающих из соседнего номера, так как они периодически напоминали о себе через стук в стену, разделяющую нас. Иногда я слышал их голоса — женский и мужской. «Хорошо хоть они с собой ребенка не взяли», — утешал я себя.

— Нет, так жить нельзя! — сказал я приятелю утром после завтрака. — Мы должны что-нибудь придумать. Или спать посменно, или найти другой номер.

— Посменно я не смогу. Я приехал сюда отдыхать.

— Тогда надо тебе снять другой номер, — твердо сказал я. — Я готов тебя профинансировать.

— А почему я? — возмутился приятель. — Меня все устраивает. Мне нравится наш номер, и кроме того, я к нему уже привык. Раз ты не можешь спать, значит, тебе и надо снять номер.

Он прилег на кровать и сразу уснул. А я снова безуспешно пошел искать покой на лежаках Патаяи.

В гостинице, где мы остановились, свободных номеров не было.

— А приставная кровать у вас есть? — спросил я на рецепшине.

— К вам должны приехать гости? — поинтересовалась администратор.

— Да, возможно. Мне нужна небольшая кровать, которую можно разместить на балконе. В номере жарко.

— У вас не работает кондиционер? Мы дадим заявку, неполадку устранят.

— Нет, точнее у нас холодно из-за него. Приятель мой любит холод, а я немного мерзну. Поэтому я хочу спать на балконе.

— А — понимающе улыбнулась девушка. Она куда-то стала звонить, но затем разочарованно сообщила, что помочь ничем не сможет.

— У нас нет такой кровати.

Придя в номер, я стал изучать свою кровать. Матрац на ней снимался, это меня обрадовало. Я взял его и понес на балкон. Но как бы я ни пытался его разместить, он не помещался и не сворачивался по контуру балкона. Пришлось его вернуть на место. Тогда я поставил журнальный столик на одну линию между двумя балконными креслами, расстелил на них одеяло и прилег, укрывшись простыней. Но уснуть не смог. Сиденья кресел были существенно ниже столешницы. Мышцы тела быстро затекали, приходилось постоянно менять позы. Постепенно шум волны стал усиливаться, раздражая меня, — я слышал в прибое храп приятеля. Вместе с волнами усилился и ветерок и, как бы я ни кутался, проникал через щели к моему влажному телу. Я стал ежиться, пытаюсь свернуться, но пластиковое нагромождение не давало этого сделать. Тогда я присел на кресло и провел еще одну ночь, не сомкнув глаз. Наутро я не мог называть приятелем того человека, который мирно спал в моем номере. Готовясь к завтраку, умываясь, я увидел в зеркале темные круги под глазами. Мне показалось, что человек, похожий на меня, был старше лет на десять. Я чуть не взвыл от отчаяния. Прошло всего три дня, как мы приехали. Что станет со мной к концу отдыха?

Мне пришла спасительная мысль: «Надо отправить друга на экскурсию!». Выяснив возможные варианты, я радостный пришел в номер, где посапывал на кровати приятель.

— Слушай, — обратился я к нему, — тебе надо съездить на экскурсию. Можно поехать на коралловый остров, шоу трансвеститов, в шоп-тур, а можно и на пару дней куда-нибудь укатить, например, на реку Квай. Говорят там очень интересно, можно покататься на слонах и покупаться в реке.

— И ты тоже поедешь?

— Нет. Я пока посплю. Представляешь как здорово: и тебе интересно, и я отдохну.

— Не, я один не поеду. Не интересно. Поехали вместе.

— Слушай, не будь эгоистом. У меня скоро крыша поедет от бессонницы. Ты же должен это понять.

— Я понимаю. Вот ты и съезди на экскурсию, отдохни от меня. Лучше в двухдневную. Там хоть ночью поспишь.

В пять утра за мной заехал автобус. Поездка на Квай предполагала ночь в плавучей гостинице на реке, что давало надежду хорошо отоспаться под журчание воды. Экскурсия и вправду оказалась интересной и очень насыщенной. Я ждал ночи. Добирались до гостиницы по реке на длинной прогулочной моторной лодке. Километра за полтора от гостиницы гиды выдали нам спасательные пояса и бескомпромиссно предложили остаток пути преодолеть самостоятельно, вплавь. Вода была теплой, а течение быстрым. Нас понесло вниз по реке, надо было только вовремя грести на многочисленных поворотах, чтобы не выбросило на берег. Домики гостиницы стояли на больших деревянных плотках, привязанных друг к другу возле пологого берега, к которому плотными рядами примыкали тропические деревья. Противоположный берег громоздился высокими нависающими скалами. Водная прогулка хорошо взбодрила. На борт плавучей гостиницы мы поднимались в хорошем настроении.

Одноместных свободных номеров не оказалось, и меня поселили в номер с мужчиной лет тридцати. Я с ужасом подумал, что если и он окажется таким же, как мой приятель, обратно я никогда не вернусь. Просто утоплюсь в реке. За ужином мы с ним разговорились, он оказался земляком и хорошим собеседником. Постепенно наш длинный буковый стол стал центральным на том вечере. Заплыв в реке всех нас сблизил и объединил. Мы взяли бутылку виски, затем вторую. Все долго не ложились спать. Я поделился своей проблемой, которая явилась главной причиной моей поездки. Было видно, что все прониклись и хотели создать мне условия для полноценного ночного отдыха, предлагая советы, как быстрее заснуть. Я ушел спать первым.

Но не успел я заснуть, как начался тропический ливень. За окном сверкали вспышки яркого света от молний, позже к ним присоединился гром, который, отражаясь от скального берега, громыхал по всему ущелью. Уровень воды в реке быстро нарастал, раскачивая нашу гостиницу. Плоты, на которых стояли наши домики, под натиском воды закрипели. Усилился ветер. Застучали окна и двери. Было слышно, как вокруг забежали люди, по-видимому, служащие гостиницы. И вдруг раздался пронзительный крик. Я подумал, что кто-то упал в воду, и быстро выскочил из номера. Но случилось худшее. От берега оторвался крепезный трос, и наш плот потоком воды понесло вниз по течению. Было темно, но контуры высокой скалы, на которую несло наш плот, ощущались всем телом. Интуиция подсказывала, что встречи со скалой нам не пережить. Удар будет смертельным. Тогда я не выдержал и, видя беспомощность персонала, схватился за большое весло, прикрепленное сзади плота, и стал быстро отгрести от берега, как учили меня на сплаве по горной реке на Кавказе. Мой опыт пригодился. Плот стал медленно разворачиваться, скрипя всей тяжестью бревен, и когда почти выровнялся в заданном направлении, в самый последний момент его передний край, зацепившись об острый камень, торчащий из воды, резко затормозил движение, и вся масса платформы ударила о берег. Скала зашаталась. Я увидел, как сверху от нее оторвался большой камень, который полетел прямо на нас. Я попытался крикнуть, чтобы мои товарищи по несчастью успели отреагировать, но голос не подчинился.

Тогда я собрал все силы и закричал полной грудью ...

Мой земляк в одежде сидел на своей кровати, прислонившись головой к стене. Вид его был усталым.

— Но как, что произошло? Как все спаслись?

— спросил я его, ничего не понимая.

— Они ушли.

— Куда? — удивился я.

— На соседний плот, в ресторан.

— Ничего не понимаю. Я что, спал?

— Да, и по-моему, единственный в этой гостинице.

— А что случилось? Был сильный ливень?

— Нет, дождя вообще не было. Но ты так храпел, что все звери в округе наверное разбежались. Я такого храпа еще никогда не слышал. Он был не только ужасно громкий, но и многоголосый. Ты то ветром завывал, то зверем выл, то громыхал как гром. А под утро кричать начал. Жуткая, я тебе скажу, картина. Я, как услышал твой храп, решил вообще не спать.

— Я что так сильно храпел? — удивился я. — Может, это были другие?

— А другие в нашем домике тоже не спали, как и я. Мы решили тебя не будить. Что толку. Ты ведь сам рассказывал, как твой приятель непрерывно храпел. Да и тебя жалко. Ведь эта ночь — твой последний шанс отдохнуть в Таиланде. — Он криво улыбнулся.

— Наверное, я вчера очень много выпил, поэтому сразу крепко уснул. Вообще-то я всегда сплю чутко. Я ведь по гороскопу собака. Всегда на страже стою. Вот и не могу спать, когда посторонние шумы имеются. И сплю всегда на боку, а тут видно на

спине уснул.

— Нет, ты храпел во всех положениях. Я было попытался тебя вначале окликнуть, ты повернулся на бок, но сразу снова захрапел.

— Видно дурной пример приятеля заразителен, — неудачно отшутился я.

Мне было очень стыдно. Но тем не менее я почувствовал себя отдохнувшим, хотя и сожалел, что перебрал вчера. В гостиницу я вернулся в хорошем настроении. Приятеля в номере не было. Время было около девяти вечера. Я подумал, что он ужинает, и пошел искать его, чтобы присоединиться, но не нашел. Тогда я заказал себе бутылку красного вина и ужин. Я почувствовал, что смогу уснуть даже при храпе, вино сильно разморило. Но в номере меня ждал сюрприз. На моей кровати под простыней лежала красивая восточная девушка, по-видимому, тайка, а на соседней кровати лежал мой довольный приятель.

— Ты что уже приехал? — удивился он. — Я думал, ты вернешься только завтра. Ты ведь сказал, что уехал на два дня.

— А я и ездил на два дня, а не на две ночи. А кто это? — спросил я недовольно, указав взглядом на девушку.

— Да так, подружка. Ты когда уехал, мне стало скучно, и я пошел в пивной бар, там с ней и познакомился. Потом мы сходили в боулинг, поужинали и пришли сюда. Ты ведь не будешь ее выгонять, правда?

— А почему ты не снял другой номер, почему именно на мое место?

— Потому что не знал, что ты приедешь сегодня. Извини, так уж получилось.

Девушка что-то стала говорить на незнакомом языке, и увидев мое недовольство, встала с кровати, обернувшись простыней. Взяв свою одежду, она пошла в ванную.

— Оставайся! — сказал я, жестикулируя девушке в сторону кровати. — Ладно, попробую снять где-нибудь номер, — продолжил я, укоризненно посмотрев на приятеля.

— Спасибо! — сказал он мне в след, — не расстраивайся. Успеешь еще отдохнуть!

СЕЛЕЗНЕВСКИЕ БАНИ

Однажды в восьмидесятые годы двадцатого века перспективного преподавателя одного из иркутских вузов Ивана Дмитриевича послали на два месяца в командировку в Москву — островок советского благополучия. Он очень обрадовался: и уровень своей квалификации можно было повысить и по развитому социализму погулять в прямом и переносном смысле. В сибирской провинции тогда хронический дефицит во всем был.

В Москве Иван Дмитриевич решил вместе с соседом по гостиничному номеру уделить внимание культурной программе. Они взяли билеты на ближайший концерт известного фокусника — иллюзиониста и, выйдя на станции метро Новослободская, стали, не торопясь, прогуливаться по улице Селезневской в направлении концертного зала. По дороге им попались Селезневские бани.

Иван Дмитриевич очень любил париться. Недели не мог прожить без парилки. Но вот беда, как ни старался он попасть в какую-нибудь столичную баню, никак не получалось — билетов всегда не было, их с утра уже разбирали. Билеты продавались как в кино — строго на определенное время. Почти в каждой бане имелся бассейн, о чем в Иркутске можно было только мечтать. Это дополнительно распаляло желание парильщика.

Проходя мимо случайно обнаруженной незнакомой бани, Иван Дмитриевич решил на всякий случай провести разведку: поинтересоваться, что за баня и как дело с билетами обстоит. Никакой надежды попариться в субботу он не строил. Сосед общественные бани не любил, предпочитая домашний душ, поэтому и в баню наотрез заходить отказался.

Возле кассы и в холле ни одного человека не было. «Понятное дело, — подумал Иван Дмитриевич, — как и в других московских банях, билеты раскупают заранее». Все же на всякий случай он подошел к кассе — не зря же зашел — и поинтересовался наличием билетов у скачущей полнотелой кассирши:

— Извините, а у вас билеты в баню есть?

— Есть.

Иван Дмитриевич неловко улыбнулся.

— Извините. Вы меня не поняли. Конечно, у вас билеты есть. Я хотел спросить, у вас билеты на сегодня есть?

— Есть. На какое время вы хотите?

— А у вас что, на любое время есть? — растерялся Иван Дмитриевич.

— Ну почему же на любое. Ночью у нас баня не работает.

— Так что, если бы я захотел сейчас в баню, то смог бы купить у вас билет и попасть в нее? — еще больше удивился он. — Или я не правильно вас понял?

— Все правильно поняли. Вы будете брать билет?

— Сейчас мы с другом идем на концерт, — озадачился Иван Дмитриевич. — А через два часа у вас тоже будут места?

— Скорее всего.

— Странно. А у вас бассейн есть?

— Есть.

— Ничего не понимаю. Может парная у вас плохая?

— Нет, парная у нас хорошая. Многие ее хвалят.

— А веник у вас можно купить?

— Пожалуйста.

— Да, я ведь ничего не взял с собой. А простыни и полотенца у вас имеются?

— Имеются.

— Тогда я ничего не понимаю, — то ли себе, то ли кассирше тихо сказал Иван Дмитриевич, прикусывая в задумчивости свой указательный палец. — Тогда почему в других банях всегда мест нет?

— Это вы у них спросите, — ответила, улыбаясь, кассирша.

Иван Дмитриевич очень хотел попариться. На улице было морозно. Желание переполняло эмоции и тормозило разум. «Может, плюнуть на концерт и пойти сразу в баню?» — подумал Иван Дмитриевич. Он представил, как, не торопясь, посидит в парной, разогревшись березовым веничком, окунется в прохладном бассейне, а затем, закутавшись в простыню, откинется на спинку сиденья и, прикрыв глаза, станет медленно погружаться в блаженство расслабления ...

— А у вас шкафы для одежды с сиденьями или кабинки с лежаками? — спросил он, уточняя свою мечту.

— Кабинки с лежаками. Вы и массаж сможете сделать, если захотите. Только за отдельную плату. Там на месте с банщиком договоритесь.

«Да, — продолжал мечтать Иван Дмитриевич, — и затем после парной, закрыв глаза, упасть на кушетку и наслаждаться массажем...».

— Так что, будете брать билет или нет? — вернула к реальности улыбчивая кассирша.

— Да, буду. Дайте мне на четыре часа. Мы как раз успеем сходить на концерт, а на обратном пути я зайду к вам. Может за веник и простыню с полотенцем сразу мне заплатить?

— Как хотите. Можно когда придете. Да и билет можете потом купить.

— Нет уж, — категорически возразил Иван Дмитриевич, — билет я сейчас куплю. А то вдруг народ набежит...

На концерте Иван Дмитриевич думал только о бане и с нетерпением ждал окончания представления. Соседу выступление иллюзиониста понравилось, он даже поучаствовал в одном из номеров. Фокусник, проходя мимо, незаметно снял у него наручные часы, а затем вызвал на сцену.

— Как он мог снять часы так ловко? — удивлялся он на обратном пути. — Я даже не почувствовал. В карман залезет и не заметишь. Опасный человек.

— Зачем ему воровать? На такого же нарвется и в тюрьму загремит. А так и слава и деньги обеспечены, — возразил Иван Дмитриевич. — Слушай, а может и ты в баню со мной пойдешь? — поглядел он с надеждой на соседа. — Посидим, поговорим, попаримся.

— Нет, не могу. Мне еще на телеграф сходить надо. Домой позвонить.

— Ну, как хочешь. Вдвоем было бы веселее. — Они пожали руки на прощание. Иван Дмитриевич развернулся к бане, но затем резко остановился. — Подожди! Знаешь, у меня с собой все деньги. Может, возьмешь часть их и в гостиницу унесешь? Всякое бывает...

— Давай, мне не трудно. Только пересчитай, чтобы потом претензий не было.

— Да какие претензии. Ну ладно, раз настаиваешь. — Иван Дмитриевич выгреб с кошелька всю мелочь и отложив еще несколько рублей, положил их в карман брюк. Остальное отдал соседу. В гардероб он сдал свое пальто с норковым воротником, крашенную в черный цвет ондатровую шапку и новый мохеровый шарф.

В отделении банщик — крупный мужчина лет сорока пяти в спортивной одежде — проводил его в кабинку, задернутую шторкой. В ней размещались два лежака, на одном из которых сидели два парня, закутанные в простыни, пьющие из бутылок «Жигулевское» пиво, на столике лежала разделанная вяленая рыба. У Ивана Дмитриевича закружилась голова от такой идиллической картины.

— Ребята, а где вы пиво взяли?

— У банщика. У него правда подороже, чем в магазине, зато холодненькое.

— Сколько стоит?

— Семьдесят копеек. А в магазине по тридцать семь продается, но его еще найти надо.

Иван Дмитриевич достал из кармана джинсов деньги и, отсчитав мелочь на две бутылки, положил на стол. Затем разделся, накинул простынь и сходил за пивом. Одну бутылку сразу открыл и выпил залпом.

— Вот это кайф! — сказал он ребятам. — В бане холодненькое пиво выпить! В нашем городе о таком можно только мечтать.

— Вы не местный?

— Я из Сибири.

— А вы в этой бане впервые?

— Да. А что?

— Мы так и подумали. Вы зря сюда в хорошей одежде пришли. Здесь часто воруют. А вы как на концерт оделись. Сразу видно, все новое и дорогое.

— А я с концерта и пришел, — улыбнулся Иван Дмитриевич. — Мы с приятелем проходили мимо этой бани, я решил узнать про свободные места и здесь оказался.

А вы давно паритесь?

— Часа два. Уже заканчиваем.

— А может посидите еще, пока я попарюсь? Я быстро.

— Посидим. Парьтесь, мы васждемся.

— Вот спасибо вам!

Иван Дмитриевич, захватив веник, торопливо пошел в сторону моечной. Но попариться быстро не удалось. Буквально перед его приходом мужики помыли парную и просушивали ее, выставив перед дверью заслон. Иван Дмитриевич, запарив веник, решил пока помыться. Затем он вышел из мойки, ребята уже одетые оживленно о чем-то разговаривали.

— Что, уже попарились? — удивились они. — Что-то быстро.

— Да не повезло. Как раз парную помыли. Вот пришел вас попросить еще немного посидеть.

— Вы не переживайте. Мы еще посидим. Обсохнем. А то на улице волосы замерзнут. — Они дружелюбно улыбались.

— Спасибо. Может пива вам купить?

— Не, мы уже напились его. Парьтесь.

Иван Дмитриевич заходил в парную три раза. И каждый раз после парной прыгал в бассейн. Вода была холодная. Сосуды играли, вырисовывая разные узоры на разгоряченной коже. Ощущения были сладко-острыми. Выйдя из мойки, довольный и расслабленный, он не сразу узнал свою кабинку. Она была пустой. Не только не было ребят, но и никаких вещей. Как будто здесь вообще никого и ничего раньше не было. Даже пустые бутылки из-под пива отсутствовали. Иван Дмитриевич, ошарашенный увиденным, устремился к банщику.

— А вы не видели молодых ребят, которые в моей кабинке сидели? — запинаясь спросил он. — Сердце его выскакивало из груди.

— Каких ребят? — Удивился банщик. — Вы с ребятами приходили? Сколько их было?

— Да нет! Я пришел один. А они в кабинке сидели. Вы мне мою кабинку показывали, помните? — Иван Дмитриевич не только запинаясь, но и говорил очень возбужденно, от чего его речь была невнятной. Поэтому ему пришлось еще раз повторить свой вопрос, чтобы банщик его понял.

— Я?! — искренне удивился банщик. — Вам? А вы не путаете? Нас здесь работает четыре человека. Я вас что-то не помню. С чего вы взяли, что именно я вам показывал?

Иван Дмитриевич огляделся. Увидев других банщиков, засомневался. Все они были коротко подстрижены, одинаково одеты и по габаритам не сильно отличались друг от друга.

— Ну хорошо, может и не вы. Тогда может они знают, куда делись те ребята?

— Так и спросите у них, — банщик взял швабру с тряпкой и, не торопясь, стал протирать пол.

— Мужики! — дрожащим голосом громко заговорил Иван Дмитриевич. — Вы не видели парней, они в моей кабинке сидели...

— А мы откуда знаем, какая ваша кабинка? — ответил один из них. — Вы сами-то где были?

— Я парился.

— А кабинка, какая ваша?

Иван Дмитриевич, удивляясь, что его никто из банщиков не узнает, показал пальцем на свою кабинку, ожидая их реакцию. Но они не проявили никаких эмоций, просто стояли и молчали.

Один мужчина в простыне, выглядывая из-за шторы соседней кабинки напротив, вмешался в разговор:

— Ушли те парни, я видел. Двое их было. Но они давно ушли.

— Ну вот, — обрадовался Иван Дмитриевич. — Он видел.

— А нам какая разница, — без интереса ответил один из банщиков. — Пришли они к вам или ушли, если они оплатили.

— Да, но они унесли мои вещи.

— Зачем? Они ваши друзья? — уточнили банщики.

— Да какие друзья. Они своровали мои вещи, понимаете?

— Нет, не понимаем. Зачем им брать ваши вещи, если они пришли с вами? Мужчина, вы не перепарились?

— Вы все что, издеваетесь надо мной? — не выдержал абсолютного непонимания со стороны банщиков Иван Дмитриевич. — Вы же должны охранять вещи посетителей бани...

— Мы?! — удивились банщики. — Мало ли что вы принесете с собой. Читайте объявление, — они показали на стену возле входа в отделение, где висел листок, на котором от руки было крупными буквами написано:

ЦЕННЫЕ ВЕЩИ И ДЕНЬГИ

СДАВАТЬ В КАССУ!

АДМИНИСТРАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

ЗА ИХ СОХРАННОСТЬ НЕ НЕСЕТ.

— Но у меня-то одежду украли. Понимаете? Все украли. Мне теперь идти домой не в чем.

— Да вы так сильно не переживайте. Не вы первый, не вы последний. Мы вам брюки найдем и рубашку, — банщик строго посмотрел на Ивана Дмитриевича, — но их завтра надо обязательно вернуть. Они наши личные.

— Да о чем вы! Милицию надо срочно вызвать. — Иван Дмитриевич многозначительно обвел взглядом банщиков, ожидая, что они сразу все бросятся к телефону, но они даже не пошевелились, то ли не расслышав, то ли не поняв его невнятную речь. — Милицию надо срочно вызвать, по горячим следам! — громко повторил Иван Дмитриевич.

— А зачем? — непонимающе спросил один из банщиков.

— Как, вы еще не поняли? Меня обокрали, унесли все вещи...

— Мы же сказали вам, что брюки и рубашку вам найдем. Не новые конечно, но чистые...

— Да у меня даже денег нет доехать до гостиницы, — перебил Иван Дмитриевич.

— И на метро вам дадим. В долг.

Иван Дмитриевич представив свое возвращение в гостиницу, вспомнил, что номерок от гардероба оставался в кармане брюк, бесследно исчезнувших. Его бросило в пот. Он стремительно выскочил из отделения в фойе бани. Простынь зацепилась за журнальный

столлик, стоявший в фойе, натянулась, обнажив его мужское достоинство. Запутавшись в простыне, он распластался на полу, разодрав о шершавую кафельную плитку кожу кисти левой руки, которой придерживал простынь. Окровавленный Иван Дмитриевич подошел к гардеробу:

— Я хотел бы посмотреть свои вещи. Проверить на месте они или нет, — торопливо облизывая от крови рану на руке, сказал Иван Дмитриевич.

— А где ваш номерок? — недоверчиво глядя на Ивана Дмитриевича, поинтересовался гардеробщик.

— Его нет. Его украли...

— А без номерка я вам вещи не выдам! — твердо сказал гардеробщик.

— Да мне их и не надо. Я просто хочу проверить, на месте они или нет. Меня обокрали, понимаете? А номерок был в брюках. Вы просто покажите их мне и все. Если их не украли.

— Как же я вам покажу, если у вас номерка нет. Какой у вас был номер? — примирительно спросил гардеробщик.

— Я не помню. Я не посмотрел.

— Ну а как же я вам тогда проверю вашу одежду? — озадачился гардеробщик.

— Я пройду и посмотрю.

Гардеробщик оценивающе посмотрел на Ивана Дмитриевича. Рука продолжала кровоточить, оставляя кровавые пятна на простыне и полу.

— Я не могу вас пустить. Вы всю одежду измажете.

— Вы что, все с ума посходили что ли?! — не выдержал Иван Дмитриевич. — Меня в вашей бане обокрали, а вы никаких мер не принимаете. Вы не понимаете, что я без одежды остался? Мне домой идти не в чем. Может, вы вместе с ними украли мою одежду, а теперь скрываете?

— Я?! — возмутился гардеробщик — Я здесь все время находился. Не выходил даже в туалет. Если вас обокрали, так бы сразу и сказали. А то обвинять других ...

— Так я вам сразу и сказал!

— Сказал, сказал... — проворчал гардеробщик. — Вы в чем пришли, в пальто или в куртке?

— В пальто, с норковым воротником. И шапка ондатровая крашенная и ...

— Не это? — перебил гардеробщик

— Это, это! — обрадовался Иван Дмитриевич. Не унесли, значит, — заулыбался он. — Вы только никому мои вещи не отдавайте, даже с номерком. Он ведь теперь краденый.

— За это не беспокойтесь. Сохраню.

— А как в милицию от вас позвонить можно?

— Вон из автомата на стене возле двери висит. У вас деньги-то есть? — участливо поинтересовался гардеробщик.

— Действительно, — огорчился Иван Дмитриевич, — денег тоже нет. — Он почесал затылок.

— Так возьмите у меня, — гардеробщик протянул двухкопеечную монетку. — Ничего, я не обеднею. Люди друг другу помогать должны!

Иван Дмитриевич, вызвав милицию, вернулся в отделение.

— А ботинки под лавкой не ваши стоят? — поинтересовался банщик, который протирал пол в соседней с Иваном Дмитриевичем кабинке.

— Какие ботинки? — Иван Дмитриевич увидел новые черные кожаные ботинки с белым мехом, стоявшие глубоко под лавкой. Он их достал и нежно погладил. Затем понюхал несколько раз, наслаждаясь их запахом как от дорогих духов.

— Ваши? — поинтересовался банщик?

— Мои! — отозвался Иван Дмитриевич, не отрывая замороженного взгляда от ботинок.

— Ну, вот. А говорили, что все украли. Может, вы кабинку перепутали? Пройдитесь по отделению, внимательно посмотрите, может, ваши вещи спокойно лежат себе и ждут, когда вы их найдете. А то сразу украли...

Иван Дмитриевич суетливо стал обходить все кабинки. Заглядывал под все лавки, но ничего больше не нашел.

Приехала милиция через пятнадцать минут. Моложавый, высокий и худой рыжеволосый следователь активно взялся за дело. Он быстро опросил банщиков, произвел осмотр помещения, а затем приступил к допросу Ивана Дмитриевича.

— Кем вам приходились те парни, с которыми вы парились?

— Я?! Я не парился с ними. Они уже сидели, когда я пришел в баню.

— Но банщики утверждают, что вы были с ними знакомы. Опишите их.

Иван Дмитриевич на минуту задумался, затем неуверенно заговорил: молодые, лет по двадцать — двадцать пять. Волосы... — не знаю. Мокрые они были. Вроде темные. Роста... не знаю. Они сидели. Наверное, среднего.

— В чем были одеты?

— В простынях они сидели... А, вспомнил! Когда я заходил, они были в синих джинсах. Один из них — в коричневой кожаной куртке, другой в сером пуловере.

— А особые приметы у них были?

— Особые?...

— Ну, там родинка какая-нибудь, или шрам на лице или нос перекошенный.

— Нет, этого я не видел.

— А какие вещи у вас украли?

— Все. Ну, то есть брюки новые джинсовые фирмы LEVIS, купил на барахолке за сто шестьдесят рублей перед поездкой в Москву, импортный шерстяной свитер новый, рубашка однотонная импортная новая...

— Вы что, из театра в баню пришли?

— Почти. На концерт с приятелем ходили, на фокусника. Здесь недалеко.

— А приятель где? Тоже с вами был? Может, когда вы париться пошли, он своровал?

— Да что вы. Он домой ушел сразу, в гостиницу. Он из Новосибирска. Баню не любит.

— Как его фамилия, имя, отчество, где проживает?

— Вы что, его подозреваете? Он—то здесь причем? Он ученый. В одном гостиничном номере с ним живем.

— Проверить его тоже надо. Мы всех должны подозревать. А вы на кого думаете? Кто на ваш взгляд мог взять ваши вещи? — следователь хитро прищурился и пристально, не моргая, смотрел в глаза Ивана Дмитриевича. Тот непроизвольно голову втянул в плечи.

— Я? Я не знаю. На парней, наверное. Хотя они сами меня предупредили, что здесь воруют и предложили поохранять мои вещи, пока я парюсь.

— Да, хорошо они вас развели. Вы не местный?

— Я сибиряк, из Иркутска.

— Значит мы с вами земляки. А я из Новокузнецка. Не повезло вам с баней. Здесь каждый день воруют. Иногда по несколько раз. Нас часто сюда вызывают. Дурной она славой пользуется.

— Так может поэтому здесь места свободные есть?

— Может быть. А что, в других банях мест нет? Странно. Ну что, Иван Дмитриевич, я поехал. Мне банщики сказали, что вам брюки найдут. До дому доедете. Я бы вас доvez до гостиницы как земляка, но не могу — вызовов много. — Он встал.

— Подождите, — удивился Иван Дмитриевич, — а протокол? Разве мы не будем составлять протокол? Мне ведь еще и заявление надо написать вам. Следователь вновь присел.

— А зачем писать заявление? Мы ведь и так во всем разобрались.

— Как это? В чем разобрались? — удивился Иван Дмитриевич.

— В том, что вы не знаете, кто украл ваши вещи. Кого вы подозреваете, описать не можете. Ну сами посудите, у кого сейчас в Москве нет кожаной куртки, джинсов и пуловера. Пол Москвы так ходит. А проживает здесь более десяти миллионов. Кого же спрашивается нам искать? А ваши вещи, какие имеют особые приметы? Никаких. Они новые. Их легко продать. Что же искать нам?

— Но ведь положено же заявление писать. Вдруг найдете кого-нибудь?

— Зачем заявление? Вы милицию вызывали? Вызывали. Каждый вызов дежурным фиксируется в журнале. У нас это очень строго. Адрес я ваш записал. Так что если кого-то найдем, вас пригласим на опознание, — он опять встал, собираясь уйти. — Да, и самое главное я забыл вам сказать. Согласно пункту 16 утвержденных Правил банно-прачечного комбината, за сохранность личных вещей отвечают сотрудники бани, которые являются работниками данного комбината. Так что в понедельник вы придете к директору бани и спокойно получите свои деньги.

— Но как это? — не поверил Иван Дмитриевич, — просто приду и мне вернут деньги за украденные вещи? Разве так может быть?

— Вы прямо как Фома не верующий. Пойдемте вместе, я вам покажу. — В холле бани возле кассы висели отпечатанные правила банно—прачечного комбината, где согласно п. 16, как утверждал следователь, комбинат признавал ответственность за сохранность личных вещей посетителей. — Ну что, убедились?

— Убедился, — озадаченно ответил Иван Дмитриевич. — То есть если я приду к директору, то мне выдадут деньги за вещи? А паспорт надо брать с собой?

— Конечно, кто же без него вам деньги выдаст. Деньги порядок любят. — Он улыбнулся. — Не расстраивайся земляк. Но на будущее. В баню в хороших вещах не ходи. Здесь всякая шваль собирается. Москва...

Надев широченные темные шаровары, на несколько размеров больше, подпоясавшись капроновым шнуром, Иван Дмитриевич напоминал запорожского побитого казака, на котором болталась непомерного размера ситцевая с цветастыми петухами рубаха. Узкое длинное пальто скрывало не по размерам одежду, но подчеркивало неумную ширину гачей великореальных брюк.

— Вы только обязательно верните нам вещи, — напутствовал строгий банщик, — они у нас единственные, может, еще кому понадобятся.

— Обязательно верну. В понедельник утром я приду и верну. Сосед по номеру долго не мог остановить свой смех. Вид Ивана Дмитриевича ему напомнил клоуна с концерта.

— Хорошо хоть не все деньги с собой взял, — сказал он. — Ты как чувствовал.

— Ничего я не чувствовал, иначе бы вообще не пошел. Но парная понравилась. Правда работнички там подобрались заторможенные. Даже милицию самому вызывать пришлось. Представляешь, все здоровые, высокие. Наверное, раньше они боксерами были. В

понедельник Иван Дмитриевич решил пойти в баню пораньше. Небо было чистым, хотя ночью шел снег. Светило яркое солнце. Возле бани дворник мел дорожку от центрального входа. Кабинет директора был закрыт. На стук в дверь никто не отвечал. Незнакомая пожилая кассирша сказала, что директор на работе, но где-то ходит. Предложила подождать. Но и через полчаса никто к двери не подошел. Настроение портилось. Иван Дмитриевич вышел на улицу. Дворник дometал вторую дорожку.

— А вы не видели директора? — поинтересовался Иван Дмитриевич, когда дворник остановился закурить.

— Зачем он вам? Я директор.

— Вы?!

— А что вы удивляетесь. У нас работников не хватает. Да и полезно с утра поработать физически.

— Да, это правильно. А я пришел по поводу субботней кражи.

— Какой кражи? — искренне удивился директор.

— Как, вы разве не слышали, вам не доложили?

— А кто мне должен был доложить? Нет, про кражу я ничего не знаю.

— Но разве банщики вам не сообщили? — Иван Дмитриевич поразился ответом директора.

— Какие? У меня их много.

— Странно. Разве вы не проводите планерки?

— А зачем? Когда что-то происходит, мне всегда сообщают. А про вашу кражу я ничего не слышал. Вы милицию вызывали?

— Да.

— Тогда все просто. Идите в милицию, там уже, наверное, кого-нибудь поймали. Сейчас милиция оперативно работает по горячим следам.

— Но они сказали, что согласно пункту 16 ваших правил вы несете ответственность за личные вещи посетителей.

— Несем. Но только в случае, если вас обокрали. А я про это ничего не слышал. Раз вы милицию вызывали, значит, у вас документ должен быть. А его я что-то не вижу.

— А разве вы не можете спросить банщиков? Они подтвердят.

— Те банщики придут только через неделю. Они отдыхают. У нас работа посменная.

— А если им позвонить?

— Я их телефоны не знаю. Если хотите получить деньги, не тяните время, идите в милицию, она от нас недалеко. Минут тридцать пешком, — директор взял в руки метлу и продолжил подметать, повернувшись спиной.

Иван Дмитриевич следователя Николая Викторовича Сизова нашел быстро. Его прокуренный кабинет с обшарпанным светлым столом размещался на втором этаже старенького серого здания районного отделения милиции. Сизов удивился приходу Ивана Дмитриевича.

— Что, какие-то новые проблемы у вас? Как вы в тот раз добрались до дома, без приключений?

— Спасибо, все хорошо.

— А тогда почему здесь? Были в бане? Получили свои кровные?

— Нет. Директор сказал, чтобы я справку из милиции принес о краже. Представляете, он даже не знал, что меня обокрали. Банщики ему ничего не сказали. Как такое может быть?

— Да чему вы удивляетесь? Я же говорил, что баня запущенная и директор такой же. Но вы не сдавайтесь. Давите на него. У вас право получить деньги за свои вещи. Ведь согласно пункту ...

— Я знаю. Но ему никто не сказал, что меня обокрали, а мне на слово он не верит.

— Что значит не верит. Пусть вызывает банщиков и разбирается с ними. Они его работники. Иван Дмитриевич! За вами закон! Вы ему скажите, что если он вам деньги не отдаст, то вы на него в суд подадите. Зачем ему портить свою репутацию. Вмиг согласится выплатить, поверьте. А сейчас извините, земляк, мне надо отчет сдать по дежурству, меня начальник уже ждет. Так что требуйте свое и все — Следователь встал, приглашая жестом вместе с ним выйти.

Директор бани в этот раз сидел в своем кабинете за большим столом. Он был в светло-коричневом костюме и в галстуке. Разговаривал с кем-то оживленно по телефону. Увидев Ивана Дмитриевича, нахмурился, приняв серьезный вид.

— Что, уже справку принесли? Что-то быстро.

— Мне в милиции сказали, что я не обязан вам справку приносить. Вы должны сами вызвать своих работников и спросить с них. И мне вы должны выдать деньги за украденные вещи согласно ваших Правил.

— Дорогой вы мой! Я бы с удовольствием вам их выдал, поверьте. Но я должен иметь доказательства, что вас обокрали. Банщиков нет, но даже если бы они были на работе и подтвердили, что вас обокрали, я согласно инструкциям Министерства не смог бы вам выдать деньги без справки из милиции. Самое правильное для вас — пойти в милицию и потребовать от них справку. Ведь вы милицию вызывали?

— Да.

— А заявление написали?

— Нет, следователь сказал, что не надо.

— Вот в чем причина, — он ехидно заулыбался. — Они вас разводят как лоха. Им ведь нужна хорошая статистика. По вашему делу они никого никогда не найдут. А без вашего заявления они и дело не открыли, значит, и справку выдать не смогут. Скажу вам честно. Никому пока не удалось получить справку из милиции по краже в бане. Так что есть ли смысл вам к ним ходить и время терять?

— А что мне делать тогда? Директор внимательно оглядел Ивана Дмитриевича.

— Да ничего не надо делать. Слава Богу, вам ходить есть в чем. Ведь не последнего лишились. Как сказано в Библии: «Не оскудеет рука дающего!». Может ваша одежда кому-то очень помогла согреться или даже от смерти спасла. Ведь сейчас зима. Знаете, сколько в Москве бедных по всем вокзалам живет. Со всего Советского Союза. Так что в краже тоже большой философский смысл заложен. Хотя ваше дело. Можете идти в милицию.

— Но я уже был там. Они на пункт ваших правил ссылаются...

— Тогда идите в суд. Послушайте, мил человек. Я же вам объясняю. Раз вы их вызывали, значит, они обязаны зарегистрировать вашу потерю. Без справки из милиции я не смогу вам помочь. Следователь был на месте. Вид его был помятый. Может ночное дежурство сказывалось, хотя взгляд был острый.

— Ну что, земляк, — участливо спросил следователь, — выдал тебе директор деньги или нет?

— Нет! Сказал, что без вашей справки не имеет права. Вы же приезжали на вызов. Что вам стоит мне справку выдать?

— Но о чем? Что тебя обокрали? Это же смешно. Он и так знает. Просто не хочет деньги тебе отдавать. Если он не хочет следовать закону, ты должен обратиться в суд. Если мы каждому чиновнику позволим издеваться над нами, что из этого выйдет?

— Но если он справку просит, дайте ее. Всего несколько слов черканите и все.

— И все... Нет, земляк. Чтобы ее выдать, надо к начальнику идти на подпись. А он знаешь у нас какой? Вот пока ты ходил сейчас в баню, он целый час меня пилил за низкую раскрываемость. Мне-то не трудно написать. Ведь мы с тобой земляки. Но ты должен кое-что понять. Знаешь, как трудно в Москве на госслужбу устроиться? Я ведь в Новокузнецке одним из лучших следаков считался. Меня ценили. А здесь работаю шесть лет, и женился на москвичке, но все равно меня чужаком считают, так и ждут, чтобы я прокололся, чтобы уволить меня и своего москвича взять. Вот скажи, земляк, разве это справедливо?

Иван Дмитриевич помахал головой.

— Ты пойми правильно. Я всегда готов тебе помочь. Сибиряки Москву отстояли, а к нам видишь, какое отношение. Короче, раз он не хочет добровольно тебе деньги выдать, обратись в суд.

— Но может вы ему просто позвоните и объясните все? — с надеждой спросил Иван Дмитриевич? — Вас-то он послушает. Вы ему подтвердите, что меня обокрали.

— Нет, не поможет. Раз он тебе сразу деньги не выдал, то и милицию не послушает. Иди в суд.

— А в какой суд мне обратиться?

— По месту нахождения банно-прачечного комбината. Давай я нарисую тебе схему, как добраться, — он вырвал из тетради листок в клетку и стал рисовать маршрут. Рядом написал номер своего телефона.

— Если что, звони.

Круг замкнулся. И директор бани, и следователь советовали обратиться в суд, только по разным причинам. Иван Дмитриевич решил не откладывать решение своей судьбы, и сразу же поехал по указанному адресу. Судья-женщина в пышном парике и в толстых роговых очках, внимательно выслушала Ивана Дмитриевича и спросила:

— А документы вы принесли с собой?

— Да. Паспорт.

— Так, хорошо. А справку из милиции принесли?

— Они мне ее не дали. Ссылаются на Правила банно-прачечного комбината, где прописана ответственность за сохранность личных вещей посетителей. А директор не признает факт кражи без справки из милиции. Я уже замучился с ними. Хожу туда-сюда. У меня ведь скоро командировка закончится.

Судья с интересом посмотрела на Ивана Дмитриевича.

— А вы что не местный?

— Нет. Я из Иркутска.

— Издалека.

— Да. Я возле Байкала живу. Слышали про такое озеро?

— Слышала. Давно собираюсь приехать. Я ведь увлекаюсь туризмом.

Иван Дмитриевич оценивающе посмотрел на судью. Она была довольно стройная женщина для своего бальзаковского возраста.

— Тогда приезжайте к нам. Есть где остановиться, озеро покажем, и наше деревянное сибирское зодчество посмотрите. Город многим нравится.

— Да я слышала об этом. Я как раз в отпуск собираюсь через месяц, адрес мне оставите?

— она дала листок и ручку.

— Конечно, — Иван Дмитриевич быстро написал адрес и телефон. — Посоветуйте, что мне можно сделать в такой ситуации?

— В любом случае суд не состоится, если у вас не будет справки из милиции о факте кражи. Я даже документы на рассмотрение у вас принять не смогу без нее. Кроме того, надо вам оценить материальный ущерб. Ведь никто не знает, сколько ваши вещи стоили.

— Почему же? — возразил Иван Дмитриевич, — я знаю.

— Но квитанций и чеков у вас же не сохранилось. Или вы можете мне их представить?

— Нет, не могу. Джинсы и пуловер я купил на барахолке.

— Тогда вы должны принести справку из экспертизы — оценить стоимость ваших вещей. Я ее адрес вам напишу. И конечно, вы должны представить не менее двух свидетелей, которые видели, во что вы были одеты, когда пошли в баню. Причем не как вы выходили из гостиницы, а когда входили в баню. Сможете?

— Смогу. Но что мне сделать, если милиция не даст справку?

— Напишите им заказное письмо на имя начальника милиции. В нем подробно опишите место и время, когда вас обокрали, фамилию следователя, который выезжал на место преступления. Это ваш единственный выход. Иначе вы ничего не докажете. А мы не сможем принять документы на рассмотрение в суде. У нас конечно большая очередь. Но как для командировочного мы сделаем исключение, — она многозначительно улыбнулась.

Следователю Иван Дмитриевич позвонил через три дня. Тот разговаривал без особого интереса:

— А земляк, привет! Обратился в суд?

— Обратился. Но там тоже справку от вас потребовали. Может мне приехать?

— Вот бюрократы. Ведь и так все ясно. Вызвали бы в суд банщиков и все. Да, вот так у нас в стране все через заднее место делается. Нет приезжать не надо. Ничего нового тебе сказать не могу. Ищем, но пока никого не нашли. Слушай, земляк, долго разговаривать не могу. Дел выше крыши. Мне на выезд ехать надо. Так что извиняй. Если что — звони.

— А вы письмо не получали от меня?

— Письмо? Какое письмо?

— Ну заказное, на имя начальника милиции. Оно разве до вас не дошло еще?

— А когда оно было отправлено?

— Три дня назад.

Трубка замолчала, только слышалось шуршание бумаги.

— Не клади трубку, я сейчас в канцелярию сбегаю. — Через пару минут раздался радостный голос. — Иван Дмитриевич! Так это вы мне звоните? А я думал... Что же сразу-то не сказали, что это именно вы?

— Я не сказал? — удивился Иван Дмитриевич. — А с кем же вы тогда разговаривали?

— Ну ладно, не обижайтесь. Тут еще один земляк — школьный товарищ мне иногда звонит, я спутал. Вас я давно жду. В последний раз, когда встречались, я потом понял, что был не прав. Мы ведь земляки, должны помогать друг другу. Срочно приезжайте ко мне. Надо написать заявление о краже.

— А когда приехать?

— Прямо сейчас!

— Вы же собирались куда-то?

— Нет, что вы. Я дождусь. Зачем время тянуть. Быстрее напишете заявление, быстрее справку выдадим. Мы ведь дело можем закрыть только через десять дней, но я постараюсь что-нибудь придумать, чтобы вам успеть до отъезда домой в суд исковое заявление подать.

Судебное заседание назначили через три дня. Почта не успевала. Для ускорения оповещения ответчиков секретарь суда предложил Ивану Дмитриевичу самостоятельно вручить повестку в суд представителям банно-прачечного комбината. Там очень удивились приглашению и расписываться в получении повестки отказались. Директор комбината — полная, высокая, громкоголосая женщина с ярко накрашенными губами, узнав о повестке, категорически возразила:

— Мало ли кому вздумается с улицы к нам приходиться. Пусть по почте повестку высылают.

— Но я иногородний. Мне скоро уезжать.

— Тем более. Нам торопиться некуда. Сами все теряете, а нам предъявляете. Короче, расписываться никто не будет! — и она строго посмотрела на своего секретаря. — Всем ясно?

Такое отношение Ивана Дмитриевича добило. Он разозлился. «Ну все, не хотите по хорошему, будет по плохому! — подумал он. — Я на вас навешаю ущерб по полной!».

На улице он встретил милиционера и договорился с ним о помощи. От милиционера секретарь не открестилась. Но на первое заседание никто из работников бани не пришел.

— Это не страшно, — прокомментировала судья.

— Если они не придут снова, мы без них рассмотрим дело. Им же хуже. Назначим следующее заседание через три дня. Пришли все банщики и директор, которые впервые узнали, что ущерб потерпевшего составил тысячу рублей. Они очень удивились.

— Не могут столько стоять даже новые вещи. Не золотые же они были, — возмутились они. — Джинсы LEVIS — были ношеные, на одной гаче была потертость, а на пуловере

— на левом рукаве была дырка, — сказал банщик, который отрицал, что провожал Ивана Дмитриевича до кабинки.

— А откуда вы знаете, если вы не видели потерпевшего? — уточнила судья.

— Почему же не видел. Я его внимательно рассмотрел, когда ему простынь с полотенцем выдавал. Удивился еще, что он в такой приличной одежде в баню пришел.

— Да мужик явно накрутил сумму, — поддержал другой банщик. — Не было в брюках таких денег.

— А вы откуда знаете? — строго спросила судья. — Вы что, карманы его проверяли?

— Зачем мне это нужно? Ну кто же в баню пойдет с такими деньгами?

— А разве вы не знаете, что он командировочный? Не в гостинице же деньги оставлять.

— Вот то-то и оно, что командировочный. А то бы мы с ним быстро по-мужицки разобрались.

— Вы ему угрожаете? — возмутилась судья.

— Да что вы! Ради Бога. Просто совесть надо этому товарищу иметь, на нас все повешал. А у нас работа и так низкооплачиваемая...

Суд принял однозначное решение: «Признать вину работников комбината и взыскать с них ущерб в полном объеме».

После суда переполненные эмоциями Иван Дмитриевич с земляками: соседом по гостиничному номеру из Новосибирска и журналистом из Красноярска — свидетелями на судебном процессе, сидели в пивном баре, отмечая победу.

— Вы слышали, как они точно описали мои вещи? — спросил Иван Дмитриевич улыбаясь. — А в бане сделали вид, что меня чуть ли не впервые видят. И главное, когда я про милицию заговорил, у них никакой реакции. Ни одна жилка на лице не дрогнула.

— Уверены были, что ничего не докажешь, — красноярец взял наполненную до краев кружку с «Жигулевским» пивом. — Как выяснилось в суде, кражи у них каждый день совершались и ни одного случая взыскания материального ущерба за десять лет. Ты их первый достал. Я думаю, что они все сообща действовали. Мне интуиция подсказывает, что банщики сами все время воровали. Мафия. Все у них было повязано. Милиция и руководство бани их прикрывали.

— А как я на суде выступил?! — довольный новосибирец разделявал очередную креветку. — «Проводили до дверей бани, и деньги он при нас пересчитал...»

— Нельзя им было так с нами поступать, — подытожил Иван Дмитриевич. — Сибиряки в отечественную войну Москву спасли. Но когда надо, мы и по-другому можем. Пусть неповадно станет москвичам нас, сибиряков, обижать!

ПОДАРОК ДЛЯ МИЛЫ

Мила родилась в семье последней. Старшие сестры были светловолосые с вздернутыми маленькими носиками, а Мила черноволосая, с темно—кариими глазами. Родители ждали мальчика. Мама немного расстроилась, а папа, к удивлению всех, увидев Милу, обрадовался. Она была очень похожа на него. «Милая моя девочка, милочка!» — он так восхищался ею, когда забирал из роддома. Поэтому когда ее называли Милой, никого не удивило.

Старшие девчонки выросли в перестроечное время, когда образование было не в почете. Светлана выскочила замуж в одиннадцатом классе и в этот же год родила девочку. Анна хоть и окончила школу, но продолжать учебу наотрез отказалась, устроилась в магазин продавцом. И только Мила решила поступить в политехнический университет в Иркутске, куда ранее вместе со своей дочерью и Анной переехала жить Света, выскочив замуж во второй раз.

При сдаче вступительных экзаменов Мила обратила внимание, что парни на нее заглядываются. В сентябре внимание парней возобновилось, но ей никто не нравился. Она мечтала влюбиться с первого взгляда, чтобы при встрече вспыхнул в душе огонь, и она почувствовала сердцем, что он тот единственный, кого она ждала всю свою жизнь. Она не могла точно описать, кого хотела встретить. У нее не было четкого образа, никаких критериев характера и возраста. Мила решила, что избранник должен ворваться в ее жизнь неожиданно и стремительно.

Однажды, когда она ехала в трамвае, к ней подошел парень, лет двадцати, прыщавый, с рыжими волосами, худой. Он спросил, как доехать до центрального рынка, хотя и так было понятно, что он едет в нужном направлении. Конечной остановкой трамвая и был центральный рынок. Мила догадалась, что парень просто выдумал причину, чтобы подойти к ней. Держался неуверенно, голос немного дрожал. На нем была коричневая кожаная куртка с мехом, на голове спортивная черная шапочка. Парень слегка сутулился а может, он специально так наклонился, чтобы удобней было разговаривать с Милой. Ничего не екнуло в сердце. Однако ей почему-то стало жаль его. Было видно, она ему сильно понравилась, а он сделал все что смог: решился подойти и даже заговорить с ней. Не понимая зачем, Мила оставила по его просьбе номер своего сотового телефона, но вскоре пожалела: он стал регулярно звонить, слать эсмэски, предлагая встретиться. Она не отвечала и ждала, что он сам перестанет напоминать о себе.

Приближался Новый год. Природа баловала горожан. Стояла середина декабря, а на улице температура не понижалась более десяти градусов. Это нехарактерно для Иркутска. Но всех это радовало. Можно было гулять не торопясь, вдыхать свежий сладковатый воздух, любоваться деревьями, покрытыми серебристым инеем, вдоволь кататься на лыжах и коньках. Зимнее тепло, если можно такую температуру назвать теплой, повышало настроение, а приближение праздника наполняло горожан новыми надеждами на светлое будущее.

В субботу, в день католического Рождества, которое совпало с днем рождения Анны, сестры решили встретиться дома у старшей. Муж Светы решил не участвовать, оставив их в одиночестве. Сам пошел с друзьями на стадион поболеть за местную команду по хоккею с мячом. Стол накрыли с размахом, открыли бутылку шампанского, затем вторую.

— И все же я считаю, что ребята должны лучше относиться к своим девушкам, — сказала Анна. — Вот ты, Света, уже дважды в свои двадцать семь лет вышла замуж, а так и не научилась с парнями общаться. Вот скажи, почему твой муж убежал?

— Это ты с парнями общаешься, а я с мужчинами, — поправила Светлана. — У меня уже дочка девяти лет, а ты все меня девчонкой считаешь. Меня скоро тетей называть будут. — Она улыбнулась: — Ты, Аня, лучше про себя подумай.

— Да я уж точно разбрасываться собой, как ты, не стану. Просто чтоб выйти замуж, много ума не надо. А потом всю жизнь в нищете жить. Ты уже дважды замужняя, а добра так и не нажила, как была в нищете, так и живешь. Квартиру и ту снимаешь. Я найду богатенького парня, торопиться не буду. Влюблю в себя побольше, чтоб не дергался, и только когда пойму, что он попался и готов на меня тратиться, тогда и замуж выйду. Разве, девчонки, мы с вами не мечтали о хорошей жизни?

— А что такое хорошая жизнь? Лично я думаю, когда любовь есть. Как можно за деньги выходить замуж, разве это жизнь? — Мила раскраснелась от шампанского.

— Глупая ты еще, Милка! — возмутилась Анна. — Молодая, вот и не понимаешь многого. Любовь приходит и уходит, а надо думать, что после любви останется, особенно когда детей нарожаешь. Вот Света первый раз вышла замуж, думаешь, без любви? Ты просто не знаешь, в садик еще ходила, когда у нее роман с Васькой начался. Как он любил ее! После школы встречал каждый день, домой провожал. Парней всех бил только за то, что они разговаривали с ней. Такая большая любовь была! Света быстро забеременела. А когда поженились, Васька оказался никчемным мужиком. Денег домой мало приносил, жить было негде, по общежитиям мотались. Пить стал. А потом Светка его застукала с другой, такой же дурой. Он в любви новой клялся.

— Конечно, деньги нужны, но и без любви тоже нельзя, так ведь, Свет? Ведь ты любишь Колю?

— Да как тебе сказать, — Света задумалась. — Любила! Может и сейчас люблю. Конечно не так сильно как Васю, но не безразличен он мне. Говорил очень красиво, а мы ведь, женщины, больше ушами любим. Так ведь все говорят? Да что говорят, я и сама так думала.

— А теперь что, так не думаешь? — спросила Мила.

— Не знаю. Сейчас Николай тоже красиво говорит, что любит меня, но я что-то никак на его слова не реагирую, не верю ему что ли. Ведь кроме слов да поцелуев в другом его любовь не проявляется. Видит, что я много работаю, стараюсь для семьи, а он хоть бы раз предложил помочь мне что—нибудь сделать. Сам бы на хорошую работу устроился, легче бы нам стало. Только временными заработками перебивается.